

1995 — № 5 — С. 7

Биеннале продолжают Горчакова и Бурчуладзе

После апрельской паузы фестиваль “Ирина Архипова и Валерий Гергиев представляют” выдал на гора концерты сразу двух звезд: 2 мая в Большом театре пел Паата Бурчуладзе, а 3-го в Большом зале консерватории — Галина Горчакова. Певцы разных школ и поколений, чьи имена оказались рядом в фестивальной программе благодаря успешной международной карьере.

Паату Бурчуладзе москвичи знают давно. Еще в 1979 году он впервые выступил здесь в концерте стажеров Ла Скала, три года спустя принимал участие в конкурсе имени Чайковского, завоевав первую премию, в 84-м участвовал в гастролях Тбилисской оперы. Однако в последующие годы имя грузинского баса почти не появлялось на столичных афишах и московские меломаны слышали его голос в основном на видеопросмотрах в Оперном клубе при Киноцентре, созданном шесть лет назад Алексеем Париним, где Бурчуладзе представлял в окружении первейших мировых звезд. И вот — новая встреча.

Сказать, что концерт прошел блестяще, было бы явным преувеличением. Причиной ли тому холодная погода или же певец пребывает не в самой лучшей форме, но голос звучал недостаточно ярко. Пожалуй, лишь конец первого отделения, когда Бурчуладзе исполнил арии из “Аттилы” и “Дон Карлоса”, свидетельствовал о том, что перед нами певец мирового класса. Что касается исполненных во втором отделении фрагментов из “Бориса Годунова”, то они прозвучали в целом весьма достойно, но особого впечатления не произвели: недоставало подлинно трагедийного масштаба...

Иное впечатление оставил концерт Галины Горчаковой. К вящему неудовольствию иных москвичей, жаждавших услышать в полном объеме голос певицы, о которой в столице ходили легенды, программа состояла целиком и полностью из сочинений камерных: романсы Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Балакирева, Чайковского и Рахманинова. У певицы, однако, были свои резоны: программа, подготовленная совместно с Ларисой Гергиевой, уже была апробирована на прошлогоднем

Эдинбургском фестивале, а затем и в лондонском Уигмор-холле. Вместо того, чтобы сразу сразить наповал публику пригорошной эффектных арий, Горчакова предпочла приручать ее исподволь. Расчет оказался точен: подобно тому, как сам голос певицы расцветал от романса к романсу, так и реакция зала из настороженно-сдержанной поначалу становилась все более и более горячей. И Лариса Гергиева, вновь продемонстрировавшая тонкое ощущение стилистики исполняемых сочинений, по праву разделила с Галиной Горчаковой ее успех.

Горчакова, конечно же, — прежде всего и по преимуществу певица оперная. Камерный репертуар для нее — своего рода лаборатория, где опробываются и оттачиваются более тонкие нюансы и выразительные средства. И та колоссальная разница между ее первым концертным исполнением партии Баттерфляй и недавними триумфами в этой же партии сперва в Мет, а затем в Мариинском, думаю, далеко не в последнюю очередь имеет причиной кропотливую и скрупулезную работу над этой концертной программой с Ларисой Гергиевой. Но результаты подобной “лабораторной” работы имеют, бесспорно, и самостоятельное художественное значение, в чем можно было наглядно убедиться на концерте в Большом зале Московской консерватории.

Разумеется, не все удавалось певице в равной мере. В первом отделении к числу наиболее удачных следует несомненно отнести романс Римского-Корсакова “Соловей и роза”. Среди романсов Глинки лучше всего получилось “Я помню чудное мгновение”, Даргомыжского — “Я все еще его люблю” и “Юноша и дева”. Однако, когда во втором отделении зазвучали Чайковский и Рахманинов, стало очевидно, что эта музыка больше соответствует индивидуальности певицы, лучше ложится на ее голос. Все четыре романса Чайковского были исполнены прекрасно, но особенно хотелось бы выделить “Забить так скоро”, спетый с редкой проникновенностью. Убедительные краски и интонации нашла певица в романсах Рахманинова — “Не пой, красавица”, “Сон”, “Полюбила я на печаль свою” и “Отрывок из Мюссе”.

И только уже на “бис” Горчакова подарила залу две арии — каватину Леоноры из “Трубадура” и прощание Баттерфляй с сыном. Слушая в ее исполнении этот трагический монолог, окончательно покоренная публика получила возможность понять, почему на Западе Горчакову нередко сравнивают с Марией Каллас.